

УДК 81'23 / DOI 10.30982/2077-5911-2020-43-1-121-131

Е.Д. ПОЛИВАНОВ: 3 ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЯЗЫКА

Яковлев Андрей Александрович

доцент кафедры английского языка
Красноярского государственного педагогического
университета им. В.П. Астафьева
г. Красноярск, ул. Ады Лебедевой, д. 89
mr.koloboque@rambler.ru

Статья посвящена анализу трёх определений языка, данных Е.Д. Поливановым в разных работах и по-разному акцентирующих социальный и индивидуально-психический компонент языка. Язык появляется из объективных социальных потребностей людей во взаимодействии. Сами эти потребности, как и система ассоциаций между словами и представлениями, является лишь предпосылкой языка, однако предпосылкой необходимой. Язык – это относительное тождество индивидуальных языков не произвольно выбранной группы индивидов, а группы индивидов, объединённых регулярным общением, которое не может осуществляться иначе, чем с помощью их индивидуальных языков. Поскольку язык определяется одновременно как явление психики и как явление социального взаимодействия, постольку снимается дихотомия «язык – речь», а также постулат о языке как автономной системе абстрактных знаков. Язык является таким парадоксальным феноменом, который, будучи одновременно физиологическим, психическим и социальным, не сводится ни к первому, ни ко второму, ни к третьему. Такая редукция позволит лишь констатировать наличие некоторых фактов в языке, но не позволит объяснить их через закономерные связи с другими фактами, не относящимися собственно к языку. Анализ общелингвистических суждений Е.Д. Поливанова приводит автора к выводу об их актуальности и важности для современного языкознания и, в частности, психолингвистики.

Ключевые слова: язык, речь, определение языка, терминология языкознания, методология языкознания, Е.Д. Поливанов

Вводные замечания

Определение языка как знаковой системы известно даже людям, далёким от языкознания. Однако оставленное без дальнейших пояснений, такое определение не объясняет сути языка, характера его внутренних и внешних связей. А обращение современных направлений языкознания к явлениям психики и культуры требует именно такого понимания языка.

Регулярно в публикациях последних лет выражается неудовлетворённость широко распространёнными общелингвистическими концепциями, а также представлены попытки найти или построить альтернативу им; см, например: [Глебкин 2014; Залевская, Тогоева 2018; Князева 2018, Кошелев 2017]. В свете этой тенденции стоит отметить, что поиск новой концепции языка, способной стать базой решения комплексных задач, не должен выражаться в отрицании накопленного языкознанием опыта. Напротив, мы полагаем, что поиск такой концепции должен начинаться с обращения к идеям классиков языкознания, которые всем кажутся давно известными и понятными. Именно ка-

жуются, ведь классика (не только в лингвистике и не только в науке) потому и классика, что не стареет и не теряет своей актуальности.

Даже при поверхностном ознакомлении с наследием Е.Д. Поливанова внимание читателя привлекают несколько определений языка, которые не во всём совпадают и могут оставить впечатление некоторой непродуманности. Цель настоящей статьи – соотнести эти определения именно по их содержанию и показать, что они не противоречат друг другу, а дополняют друг друга и не потеряли своей актуальности в контексте современного состояния языкознания и психолингвистики, в частности. Мы рассмотрим определения языка не в хронологическом порядке, причины чего будут ясны из дальнейшего изложения.

Язык как социальное явление

Первое определение представляет собой самое начало статьи «Круг очередных проблем современной лингвистики», которая относится к 1929 г. и почти полностью посвящена социолингвистическим проблемам. Отсюда и акцент на социальной природе языка в его определении: оно как бы обрисовывает общелингвистический фон, на котором разворачивается дальнейшее обоснование идей автора.

«Никто не будет оспаривать того положения, что язык есть явление социальное. Одно из определений языка гласит: язык есть тожество систем произносительно-слуховых символов, существующих у *n*-ого числа индивидуумов, объединённых кооперативными потребностями в перекрёстной коммуникации. Эта коммуникация, разумеется, только и возможна при том условии, что ассоциации между произносительно-слуховыми представлениями (в частности, представлениями звукового состава слов) и смысловым их содержанием (значениями слов) будут одинаковы у членов языкового общения» [Поливанов 1968: 178].

Над словом *тожество* имеется сноска, которая гласит: «Разумеется, говоря здесь о тожестве систем, не приходится настаивать на полном тожестве всех их деталей во всех индивидуальных мышлениях данного коллектива: те или иные индивидуальные отклонения (в частности, например, дефекты речи и т.п.) могут быть терпимы, поскольку сумма их не вырастает настолько, чтобы препятствовать взаимному пониманию при перекрёстном общении» [Там же]. Интересен последний пассаж сноски, в котором имеющиеся в индивидуальных языках различия ограничиваются и регулируются постоянно повторяющимися актами общения с другими членами социальной группы.

Далее, в качестве приёма *reductio ad absurdum* Е.Д. Поливанов вводит допущение искусственной системы ассоциаций между произносительно-слуховыми (либо другими, например, музыкальными или графическими) знаками и внеязыковыми (смысловыми) идеями. Возникает вопрос: «Можно ли такую произвольно созданную систему считать языком?»

Е.Д. Поливанов отвечает на этот вопрос отрицательно как раз с позиций сформулированного им определения языка. Ответ на него равен ответу на вопрос: «Употребляется ли эта искусственная система кем-либо для коммуникации (хотя бы минимальным коллективом из двух индивидов)?» И без такого социального использования системы это не язык [Там же]. Поэтому язык – это не просто относительное тожество индивидуальных языков некоторой произвольно выбранной группы индивидов, а группы индивидов, объединённых регулярными актами общения, которое не может осуществ-

вляться иначе, чем с помощью их индивидуальных языков. Индивидуальная система произносительно-слуховых символов (образов) – это ещё не язык, а лишь его предпосылка. Пока люди не встроены в систему постоянного взаимодействия друг с другом, обслуживать которое могут их системы произносительно-слуховых символов, язык появиться не может.

Обратим внимание на два следствия из этих суждений. Во-первых, речь – это не фонация, не просто произношение звуков, а способ взаимодействия между людьми. Во-вторых, сущность языка обосновывается и находит своё выражение через речь, следовательно, здесь нет оппозиции языка и речи. Эта идея полностью противоположна идее Ф. де Соссюра, согласно которой акт речевого общения индивидуален и обусловлен просто субъективным *желанием* общаться, а не объективными условиями социального взаимодействия, создающими *необходимость* общения, уже частным случаем которой (особые межличностные отношения двух людей) является желание людей общаться [Соссюр 1977: 49]. По Е.Д. Поливанову, речевой акт обусловлен не желанием одного индивида сообщить что-то другому, а объективной потребностью во взаимодействии, которое может быть осуществлено только с помощью языка или которое эффективнее всего осуществить с помощью языка.

Следовательно, коль скоро нет системы социального взаимодействия людей, организуемого и осуществляемого с помощью системы ассоциаций между произносительно-слуховыми знаками и внеязыковыми идеями, то нет и языка. Но и само это взаимодействие не составляет языка. Для того чтобы искусственная система знаков стала полноценным языком, необходимо наличие людей, заинтересованных в её применении для взаимного общения. Иными словами, необходимо существование коллектива, члены которого объединены потребностями во взаимодействии и неспособного удовлетворить эту потребность какой-либо другой системой знаков [Поливанов 1968: 179].

А поскольку взаимодействие между людьми может осуществляться и в нормальных условиях осуществляется разными средствами, то «...явления языка, т.е. речевого общения, становятся в один ряд с такими видами человеческой деятельности, как письмо, сигнализация, радиотелеграфия и т.д.» [Там же: 57]. Язык, таким образом, может быть понят как *одна из* систем коммуникации. Обращает на себя внимание и фраза «явления языка, т.е. речевого общения», выражающая диалектическое единство этих двух сторон одного и того же явления (язык и речь). По-видимому, эта диалектика была настолько очевидна для Е.Д. Поливанова, что он нигде на ней особо не останавливается. Небезынтересно в этой связи вспомнить, что Л.С. Выготский встраивает язык и речь в систему высших психических функций, в систему психических процессов культурного формирования личности как равноценные этим последним [Выготский 1984. Т. 6: 51–52]. Ср. также: [Выготский 1983. Т. 3: 70–90]. Язык оказывается встроенным одновременно в две системы: систему средств коммуникации и систему высших психических функций, а как нечто отдельное, вне этих двух систем, вне определённой роли в них язык не существует.

Е.Д. Поливанов уже в само определение языка включает обязательность его использования некоторой социальной группой в качестве средства общения. Чтобы язык был языком, весь контингент лиц, побуждаемых специфическими потребностями к обеспечению себя перекрёстной коммуникацией (взаимодействием), должен *сполна* обслуживать эту потребность данным языком. Социальный фактор языка начинает проявляться уже в самом примитивном акте общения. Общение двух людей в самом простом слу-

чае начинается не с субъективного желания одного человека сказать что-то другому, а с объективной потребности во взаимодействии, осуществляемом с помощью языка. А всё более накапливающаяся совокупность таких объективно обусловленных актов социального взаимодействия создаёт предпосылки для языка как явления общесоциального (общегруппового), поскольку для эффективного взаимодействия представители данной социальной группы должны иметь в сознаниях примерно тождественные представления, ассоциируемые с языковыми знаками.

Поэтому произвольно созданный и используемый только несколькими индивидами язык если и возможен, то недолговечен. Наличие языка обусловлено коммуникацией индивидов внутри коллектива, а коммуникация обусловлена их потребностью во взаимодействии. Язык и речь появляются не из совокупности индивидов (не из Робинзонов-одиночек, желающих по непонятным причинам что-то друг другу сообщить), а из совокупности их взаимодействий, из совокупности реальных объективных связей между людьми.

При этом Е.Д. Поливанов учитывает и неоднородность языкового коллектива. Необходимо учитывать, говорит он, что один и тот же индивид является всегда членом разных социально-культурных групп, каждая из которых обслуживает своё общение своим языком (включая сюда как территориальные, так и социально-групповые диалекты). [Поливанов 1968: 180]. Проще говоря, отдельный носитель русского языка на работе говорит на одном русском, в семье – на другом, на приёме в госучреждении – на третьем русском языке и т.д. При всём различии эти варианты обобщённо называются «русский язык»; но в одном случае (при одних целях исследования) эту разницу между ними можно игнорировать, в другом случае её нужно учитывать как некоторый влияющий фактор, в третьем случае – собственно изучать.

В сноске на той же странице указывается: «...реальное бытие языка определяется не только составом кооперативно-спаянного коллектива, но и характером кооперативных связей внутри него» [Там же]. Язык как социальное явление, по Е.Д. Поливанову, лежит не в совокупности индивидов, а между ними – в совокупности их социально-культурных связей и способов взаимодействия.

Каждый индивид входит во множество социальных групп, следовательно, его язык испытывает на себе влияние множества подязыков. Бытие индивидуального языка определяется тем местом, которое данный индивид занимает в коллективе, и местом данного коллектива в социальной «иерархии». Владение языком некоторой социальной группы не только даёт возможность эффективно общаться с её представителями, но и само по себе является показателем, так сказать, симптомом принадлежности человека к этой социальной группе. При этом каждый человек входит во множество социальных групп и, следовательно, совмещает знание и употребление нескольких языков или социолектов. Кроме того, важно учитывать и взаимодействия между представителями разных социальных групп: взаимодействие внутри группы будет обслуживаться одними языковыми средствами, между группами – другими. Отсюда следует, что в реальных фактах лингвисту никогда не дан «язык вообще», а только язык некоторой социальной группы, и лишь абстрагирование от конкретных характеристик этой группы позволяет делать лингвисту обобщения, соответствующие и языкам других социальных групп (порой, впрочем, эти обобщения весьма приблизительны или вовсе ошибочны).

Эта проблема (в сущности, гносеологическая) обобщения наблюдаемых языковых фактов волновала и Е.Д. Поливанова. «Для большинства авторов в лингвистической

литературе характерно просто игнорирование относящихся сюда тем и вопросов. Язык описывается как принадлежность одного какого-то абстрактного индивидуума... для исторического объяснения языка привлекается опять-таки язык такого же абстрактного индивидуума более древней или древнейшей (из доступных анализу) эпохи; о каких-либо соотношениях между коллективом – носителем данного языка и самим описываемым или объясняемым языком нет и помину (в наиболее распространённом типе лингвистических работ)» [Там же: 183]. Именно такого абстрактного индивидуума мы и имеем в «Курсе...» Ф. де Соссюра, в традиционных системно-структурных исследованиях и в некоторых современных трудах, например, по языковой картине мира [Зализняк, Левонтина, Шмелёв 2012: 17–18; Попова, Стернин 2007: 64–66; Языковая... 2006: 34–36].

Разумеется, что возможны исследования, в рамках которых эта проблема попросту не возникает. Однако есть и такие, в которых учёт такой неоднородности языка принципиально важен.

Язык, таким образом, есть способ и форма связи человека с миром и с теми социальными группами, членом которых он является. Язык субъективно переживается человеком как *его язык*, потому что это язык той социально-культурной группы, *внутри* которой человек живёт и осуществляет деятельность. Слово для человека есть *одновременно* и групповое (инструмент общения, взаимодействия), и индивидуальное (инструмент организации собственной психики). Слово существует не в одном, а в двух измерениях – социально-культурном и личностном. Это можно представить в виде двух осей, пределы которых суть крайние случаи значения и личностного смысла слова. Большинство слов «находятся» где-то между этими крайностями, но могут «перемещаться» под воздействием внутренних (личностных) и внешних (социальных) факторов. Слово как групповое явление в пределе есть общекультурное, а в другом пределе – «диалоговое», «парное», понятное только для двоих. Слово как личностное явление в пределе есть интимное, ни с кем не разделяемое, а в другом пределе – несущее общечеловеческие ценности. Другое дело, что в разных словах соотношение общественного и индивидуально-личностного различно (одна из задач лингвистики – изучать изменения этого соотношения и его условия).

Язык как психическое явление

Второе определение языка находим в «Словаре лингвистических терминов», составленном Е.Д. Поливановым, по-видимому, в 1935–1937 гг., но опубликованном только в 1991 г. Примечательно, что собственно статьи «язык» в словаре нет. Определение языка дано в сноске к статье «ассоциация». Саму ассоциацию Е.Д. Поливанов определяет так: «...механизм памяти, т.е. тот процесс мышления, который именно и проводит перед нашим сознанием одно представление за другим. Первое представление влечёт вслед за собою или *привлекает* вслед себе некоторое второе представление, имеющее с первым определённые точки сближения или по сходству или, наоборот, по контрасту, или по смежности и т.д.» [Поливанов 1991: 342–343].

Возможно, контекст, в котором приводится интересующее нас определение, повлиял на то, что в нём акцентируется индивидуальный характер языка. «Язык есть (относительное) тождество системы ассоциаций между внеязыковыми представлениями и их произносительно-слуховыми символами, принадлежащих всем индивидуальным языковым мышлениям некоего коллектива, экономическими условиями предопреде-

лённого к регулярному перекрёстному общению» [Там же: 344]. В данном случае язык коллектива – это совокупность индивидуальных языков. На определённые размышления наводит используемое в этом определении слово *относительное*. Этим словом только подчёркивается отрицательный момент: системы ассоциаций в языковых мышлениях индивидуумов не могут быть абсолютно тождественными. Относительно чего они тождественны? Мы полагаем, что относительно как раз тех условий, в рамках которых индивидуумы осуществляют регулярное взаимодействие. Слова в ментальном лексиконе связаны друг с другом по множеству признаков, из которых в конкретных условиях общения актуализируются лишь необходимые [Залевская 2005: 62, 68]. Коль скоро взаимодействие людей успешно и не приводит к существенным сбоям, то и системы ассоциаций можно считать тождественными, и именно так они переживаются самими людьми. Если считать, что системы ассоциаций в сознаниях индивидов тождественны относительно условий их регулярного общения, то этим вновь снимается дихотомия языка и речи и признаётся их диалектика как двух форм одной сущности.

Как видно, социальный момент в анализируемом определении языка тоже присутствует, но не так явно, как в первом определении. Ср. в этой связи следующее суждение Е.Д. Поливанова: «...роль ассоциации как таковой в лингвистике оказывается настолько огромной, что можно сказать, весь наш язык (речевой процесс) в целом представляет собою не что иное, как совокупность ассоциаций – главным образом, ассоциаций между внеязыковыми представлениями и их языковыми символами (т.е. языковыми представлениями)...» [Поливанов 1991: 343].

Третье определение языка находим в книге «Введение в языкознание (для востоковедных вузов)», которая является учебником для студентов, выпущенным в 1928 г.

Позволим себе сделать здесь небольшое отступление. Нередко приходится слышать, что ссылаться на учебники в научных текстах некорректно. Рецензент в научном журнале может вменить это в упрёк автору и настоятельно рекомендовать убрать такую ссылку или сослаться на какой-то другой труд, а то и вообще на этом основании отклонить статью (если из учебника взяты основные для статьи положения). Однако нетрудно привести ряд примеров фундаментальных трудов, которые были именно учебниками или курсами лекций: лекции Р. Фейнмана по общей физике, учебник С.Л. Рубинштейна по общей психологии, лекции А.Р. Лурии по проблеме языка и сознания, многочисленные лекции М.К. Мамардашвили, лекции Г. Кастлера по теоретической биологии (его книга «Возникновение биологической организации») и т.д. Обратим внимание, что учебник Е.Д. Поливанова тоже содержит оригинальную авторскую концепцию, а не просто сообщает общеизвестные факты.

Вернёмся к тексту Е.Д. Поливанова. Третье определение языка содержательно связано со вторым, но несколько иначе расставляет акценты. «*Языком* я буду называть всякую совокупность или систему ассоциаций между представлениями речевыми (представлениями звуков, слов, частей слов, предложений) и представлениями внешнего мира или так называемыми „внеязыковыми“ (т.е. понятиями, которые выражаются в языке), независимо от того, существует ли эта система в уме большого или малого числа лиц, или даже только в уме одного лица. Таким образом, можно говорить и об *индивидуальном языке*, языке Петрова или Иванова, хотя бы язык Петрова отличался от языка Иванова только одной какой-нибудь чертой...» [Поливанов 2006: 40–41].

Стоит отметить, что такое индивидуальное понимание языка Е.Д. Поливанов называет широким, а узким пониманием – привычное понимание языка как социального

явления. «...В узком смысле слово *язык* может быть употребляемо для объединения целого ряда индивидуальных говоров, являющихся между собою родственными и притом не настолько сильно различающихся друг от друга, чтобы это не препятствовало взаимному пониманию их носителей [здесь дана сноска, о которой ниже. – А. Я.]; вся та масса индивидуальных говоров может делиться на наречия, наречия на поднаречия, поднаречия на диалекты, диалекты на говоры, говоры на подговоры, и эти последние, наконец, будут состоять из индивидуальных говоров» [Там же: 41–42]. Почему такое понимание языка является узким? Е.Д. Поливанов не даёт пояснений на этот счёт. Мы полагаем, потому, что оно не позволяет связывать язык как социальное явление и язык как явление индивидуально-психическое, т.е. трактует их изолированно от тех более широких систем явлений, в которые они естественным образом входят. Кроме того, потому, что индивидуальный язык является по большей части функцией от языка социума; в индивидуальном языке не может быть всего богатства явлений, содержащихся в совокупности индивидуальных языков.

В сноске дано важное уточнение: «Но здесь, разумеется, нельзя установить точного критерия (критерия понимаемости одного языка, *gesp.* наречия, для представителя другого): в одном случае понимание будет достигнуто (например, между османцем и татаринцом, или даже – иногда – якутом), а в другом случае – не достигнуто, что будет зависеть и от темы, и от мыслительных способностей данных индивидуальных лиц. Поэтому-то, принимая в общем указанный критерий (взаимной непонимаемости – для языков и взаимной понимаемости – для наречий), трудно решить являются ли турецкие языки... по отношению друг к другу языками или же наречиями. То же можно сказать и о славянских языках, *gesp.* славянских наречиях...» [Там же: 41]. То, что между итальянцем и французом возможно частичное понимание, не даёт ещё права говорить, что это два диалекта одного языка, поскольку регулярно полного понимания между ними не будет. Здесь снова видна диалектика языка и речи: язык отличается от диалекта по характеристикам речевой деятельности, осуществляемой с их помощью.

Широкий и узкий смысл слова *язык* обусловлен ещё и тем, что во втором случае речь идёт об абстракции: «Строго говоря, только индивидуальный говор и есть нечто вполне определённое с качественной точки зрения, иначе говор – язык, доступный точному описанию. Поскольку мы переходим от индивидуального говора к языку известной группы лиц, мы уже имеем дело с некоторой абстракцией; разумеется, ценно и важно отметить именно то, что является общим для всех членов данной группы, т.е. что имеет социальное значение, но сделать это непосредственно нельзя, так как фактически мы встречаемся только с языком определённого индивидуума, обладающим помимо общих черт и своими индивидуальными особенностями. Правда, существование более или менее единообразного языка, которым пользуются члены известного общения, объединённые единой письменностью, сразу даёт нам большой комплекс общих черт, существующих в языковых мышлениях индивидуумов, входящих в данное общение» [Там же: 42]. Это, по сути, углубление мысли И.А. Бодуэна де Куртенэ: «... Существуют не какие-то витающие в воздухе языки, а только люди, одарённые языковым мышлением...» [Бодуэн де Куртенэ 1963: 181].

Интересно при этом заметить, что язык, подкреплённый письменностью, Е.Д. Поливанов называет литературным и противопоставляет языку как совокупности индивидуальных говоров [Поливанов 2006: 42]. Однако сама письменность в язык не входит. Она, по словам Е.Д. Поливанова, является «привеском к системе речевого обмена», а

орфография является соответствующим привеском к языкознанию [Там же: 26]. Учение о графике и орфографии является скорее частью практического изучения языков (как сейчас сказали бы, лингводидактики), чем частью собственно языкознания.

В свете приведённых определений языка интересно ещё одно суждение Е.Д. Поливанова: «...язык есть явление физическое, психическое и социальное; точнее, в составе языковой деятельности имеются факты физического, психического и социального порядка; отсюда и лингвистика, с одной стороны, является наукой естественноисторической (соприкасаясь здесь с акустикой и физиологией), с другой стороны – одной из дисциплин, изучающих психическую деятельность человека, и, в-третьих, наукой социологической» [Поливанов 1968: 182]. Представляется, что в слово *физическое* нужно вкладывать значение «физиологическое», поскольку эти явления могут быть объективированы в виде показаний приборов, измерений и т.д. (на это намекает и сам автор в уточнении в скобках).

Можно, однако, поспорить с Е.Д. Поливановым насчёт того, что в языке имеются факты физического, психического и социального порядка – т.е. как некоторые отдельности. Вернее было бы говорить о языке как континууме явлений, которые в разных условиях и при разных методах их наблюдения удобнее описывать с позиций физиологии, психологии или социологии. Но сами языковые явления всегда обладают единством множества свойств. Язык оказывается таким парадоксальным феноменом, который, являясь одновременно физиологическим, психическим и социальным, не сводится ни к первому, ни ко второму, ни к третьему.

Коль скоро язык встроен в систему коммуникации и психики, то большинство языковых явлений могут быть объяснены только с позиций этих более широких систем, как их частные случаи. Но эти последние и соответствующие им методы познания мешают увидеть в языке другие свойства (что не означает, что этих свойств у языка в данный момент нет).

Невозможно познать законы языка, если искать их отдельно в физиологических, индивидуально-психических или в социальных процессах. Поэтому, как и всякая наука, языкознание, по Е.Д. Поливанову, не просто фиксирует или констатирует наличие определённых фактов, а показывает их закономерные причинно-следственные связи с другими, внешними по отношению к языку, фактами.

Выводы

Подведём итог сказанному. Язык, по Е.Д. Поливанову, – это относительно тождественная у разных людей система ассоциаций между представлениями об объектах и явлениях мира и представлениями о материальной форме знаков, служащая для осуществления взаимодействия с другими людьми по правилам и нормам той социальной группы, к которой они принадлежат. Язык не существует сам по себе и для самого себя, а именно для организации собственного поведения человека и поведения других людей. Уместным было бы вспомнить здесь другого отечественного классика – Ф.Ф. Фортунатова: «Язык, как мы знаем, существует главным образом в процессе мышления и в нашей речи, как в выражении мысли, а кроме того, наша речь заключает в себе также и выражение чувствований. Язык представляет поэтому совокупность знаков главным образом для мысли и для выражений мысли в речи, а кроме того, в языке существуют также и знаки для выражения чувствований» [Фортунатов 1956: 111].

Обратим внимание, что ассоциация, по Е.Д. Поливанову, – это «процесс мышления». Следовательно, язык суть *система процессов*, встроенная в две более широкие системы процессов (психика и взаимодействие с другими людьми) и выполняющая в них определённые функции (разные в разных условиях). А современное языкознание и особенно психолингвистика нуждается именно в таком понимании языка, которое позволяло бы соединить социально-культурные явления (ценности, нормы, стереотипы и т.д.) с явлениями психики и сознания человека, причём не как статичные элементы с однозначно заданными связями, а как процессы, воспроизводящиеся в деятельности человека.

Литература

Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. В 2 т. Т. 2. М.: Изд-во Академии наук СССР. 1963. 391 с.

Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Педагогика, 1982–1984. Т. 3: Проблемы развития психики / Под ред. А.М. Матюшкина. 1983. 368 с. Т. 6: Научное наследие / Под ред. М.Г. Ярошевского. 1984. 400 с.

Глебкин В.В. Смена парадигм в лингвистической семантике: от изоляционизма к социокультурным моделям. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив; Университетская книга, 2014. 368 с.

Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. М.: Гнозис, 2005. 543 с.

Залевская А.А., Тогоева С.И. Некоторые вопросы общетеоретического потенциала современных исследований языка // Вестник Тверск. гос. ун-та. Сер. «Филология». 2018. № 4. С. 56–66.

Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелёв А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. ст. М.: Языки славянской культуры, 2005. 544 с.

Князева Е.Г. Когнитивная наука и основы лингвистического знания // Вестник Тверск. гос. ун-та. Сер. «Филология». 2018. № 2. С. 34–38.

Кошелев А.Д. Очерки эволюционно-синтетической теории языка. М.: Издательский Дом ЯСК, 2017. 528 с.

Поливанов Е.Д. Статьи по общему языкознанию. М.: Наука, 1968. 376 с.

Поливанов Е.Д. Труды по восточному и общему языкознанию. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. 623 с.

Поливанов Е.Д. Введение в языкознание (для востоковедных вузов). Изд. 3-е, стереотипное. М.: КомКнига, 2006. 232 с.

Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. 314 с.

Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. 696 с.

Фортулатов Ф.Ф. Избранные труды. В 2 т. Т. 1. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство, 1956. 450 с.

Языковая картина мира и системная лексикография / отв. ред. Ю.Д. Апресян. М.: Языки славянских культур, 2006. 910 с.

THREE DEFINITIONS OF LANGUAGE BY EVGENY D. POLIVANOV

Andrey A. Yakovlev

Assistant professor

Department the English language

Krasnoyarsk state pedagogical university named after V.P. Astafiev

89, Ada Lebedeva st., Krasnoyarsk, Russia

mr.koloboque@rambler.ru

The paper discusses the three definitions of the language given by Evgeny D. Polivanov in his different works. They accentuate in different ways the social and individual psychological aspects of the language. Language comes from the objective social needs of people in the interaction. These needs themselves, as well as the system of associations between words and representations, is only a prerequisite of the language, but a prerequisite necessary. Language is the relative identity of individual languages of not any group of individuals, but a group of individuals united by regular communication which cannot be done otherwise than using their individual languages. Since language is defined simultaneously as a phenomenon of the mind and as a phenomenon of social interaction, the “language – speech” dichotomy is removed, as well as the postulate of language as an autonomous system of abstract signs. Language is such a paradoxical phenomenon, which, being both physiological, mental and social, is not reduced to physiology, mind and social phenomena. Such a reduction does not allow explaining linguistic facts through regular connections with other facts that are not related to the language itself. Analysis of general linguistic judgments by Evgeny D. Polivanov leads the author to the conclusion about their relevance and importance for modern linguistics and, in particular, psycholinguistics.

Keywords: language, speech, language definition, terminology of linguistics, methodology of linguistics, Polivanov

References

Baudouin de Courtenay I.A. Izbrannye trudy po obshhemu jazykoznaniju [Selected works on general linguistics. In 2 v. V. 1] Moscow: Izd-vo Akademii nauk SSSR. 1963. 391 p. Print. (In Russian)

Fortunatov F.F. Izbrannye trudy [Selected works. In 2 v. V. 1]. Moscow: Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo, 1956. 450 p. Print. (In Russian)

Glebkin V.V. Smena paradigmy v lingvisticheskoj semantike: ot izoljacionizma k sociokul'turnym modeljam [Paradigms shift in linguistic semantics: from linguistics to sociocultural models]. Moscow, Saint-Petersburg Centr gumanitarnyh iniciativ; Universitetskaja kniga, 2014. 368 p. Print. (In Russian)

Jazykovaja kartina mira i sistemnaja leksikografija [Linguistics world view and system lexicography]. Moscow: Jazyki slavjanskih kul'tur, 2006. 910 p. Print. (In Russian)

Knjazeva E.G. Kognitivnaja nauka i osnovy lingvisticheskogo znanija [Cognitive science and basics of the linguistic knowledge]. Vestnik Tversk. gos. un-ta. Ser. «Filologija» [Journal of Tver state university: Series: Philology]. 2018. № 2. P. 34–38. Print. (In Russian)

Koshelev A.D. Oчерki jevoljucionno-sinteticheskij teorii jazyka [Essays on the evolutionary-synthetic theory of language]. Moscow: Izdatel'skij Dom JaSK, 2017. 528 p. Print. (In Russian)

Polivanov E.D. Stat'i po obshhemu jazykoznaniju [Articles on general linguistics]. Moscow: Nauka, 1968. 376 p. Print. (In Russian)

Polivanov E.D. Trudy po vostochnomu i obshhemu jazykoznaniju [Works on eastern and general linguistics]. Moscow: Nauka. Glavnaja redakcija vostochnoj literatury, 1991. 623 p. Print. (In Russian)

Polivanov E.D. Vvedenie v jazykoznanie (dlja vostokovednyh vuzov) [Introduction to linguistics (for Asian studies universities)]. Moscow: KomKniga, 2006. 232 p. Print. (In Russian)

Popova Z.D., Sternin I.A. Kognitivnaja lingvistika [Cognitive linguistics]. Moscow: AST: Vostok – Zapad, 2007. 314 p. Print. (In Russian)

Sossure F. de. Trudy po jazykoznaniju [Works on linguistics]. Moscow: Progress, 1977. 696 p. Print. (In Russian)

Vygotsky L.S. Sobranie sochinenij [Collection of works. In 6 v.]. Moscow: Pedagogika, 1982–1984. V. 3: Problemy razvitija psihiki / Pod red. A.M. Matjushkina. 1983. 368 p. V. 6: Nauchnoe nasledstvo / Pod red. M.G. Jaroshevskogo. 1984. 400 p. Print. (In Russian)

Zalevskaya A.A. Psiholingvisticheskie issledovanija. Slovo. Tekst. Izbrannye trudy [Psycholinguistic works. Word. Text. Selected works]. Moscow: Gnozis, 2005. 543 p. Print. (In Russian)

Zalevskaya A.A., Togoeva S.I. Nekotorye voprosy obshheteoreticheskogo potentsiala sovremennyh issledovanij jazyka [Some questions of the theoretical potential of the modern linguistic investigations]. Vestnik Tversk. gos. un-ta. Ser. «Filologija» [Journal of Tver state university: Series: Philology]. 2018. № 4. P. 56–66. Print. (In Russian)

Zaliznjak Anna A., Levontina I.B., Shmeljov A.D. Kljuchevye idei russkoj jazykovej kartiny mira. [Key ideas of the Russian linguistic worldview]. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2005. 544 p. Print. (In Russian)